
...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Триша сидит у чердачного окна, не шевелится, почти не дышит. Внизу, в саду, разговаривают гости — Макс и его старый друг. Вообще-то она вовсе не собиралась за ними следить. Даже не знала, что они дома, думала, все где-нибудь гуляют, и эти двое тоже. Она-то нарочно осталась приглядеть за «Кофейной гущей», потому что иногда заходят старые клиенты, если никого не застанут, будет обидно. И действительно — сперва, еще утром, появилась Фанни, а потом и Марк к ней присоединился, сидели, рассказывали новости, а Триша слушала и помалкивала, о гостях она никогда не болтает, пусть даже и с друзьями. Может быть, сами когда-нибудь столкнутся здесь нос к носу и познакомятся, это совсем другое дело.

Вскоре после полудня Фанни и Марк ушли, и Триша как раз собиралась перебрать камешки для морского чая, но услышала наверху какие-то подозрительные шорохи, пошла на чердак поглядеть, что стряслось, а там ничего особенного, просто ожили мертвые бабочки, в этом доме вечно кто-нибудь оживает, Триша уже привыкла. Пришлось открывать окно и выпускать их наружу, чтобы не шуришали и не топали. А в саду, почти под самым окном, гости беседуют, причем Макс сидит

на дереве, а Шурф Лонли-Локли — на старых качелях; строго говоря, качели-то совсем новые, но если бы Триша не знала, что Франк повесил их вчера утром, ни за что не поверила бы, выглядят они так, словно уже много лет тут висят, разохшиеся, скрипучие, уютные, как и положено старым садовым качелям, даже слово какое-то на спинке нацарапано на неведомом языке и почти стерлось уже, как будто от времени.

Так вот, гость сидит на качелях, а Макс — выше, на дереве, поэтому разговаривают они достаточно громко, и Трише на чердаке все слышно, ну вот буквально каждое слово. На стук оконной ставни они внимания не обратили — то ли решили, что ветер развлекается, то ли так увлеклись беседой, что не заметили ничего. И конечно, раз уж все так удачно сложилось, Триша теперь отсюда ни за что не уйдет. А что подслушивать нехорошо, так этого ей Франк никогда не объяснял, уж он-то прекрасно знает, что подслушивать — очень даже хорошо, интересно и поучительно, к тому же от чужих секретов пока еще вроде бы никто не умирает, а от любопытства, говорят, были случаи.

— ...ты же знаешь, я из тебя душу вытрясу, — голос Лонли-Локли при этом звучит не угрожающе, а почти виновато. Дескать, и рад бы не вытрясать ее из тебя, но ничего не поделаешь, придется.

— Вытрясешь, пожалуй, — соглашается Макс. — При условии, что она у меня есть. А что ж, давай, тряси, заодно и проверим.

— Ты сам-то понимаешь, что версия, будто от твоего взгляда рушится Миф, не выдерживает

решиительно никакой критики? Ты, конечно, могущественное существо, но не настолько. Тоже мне, приемник Лойсо Пондохвы выискался. Смотрю и плачу.

— Правда? А мне казалось, вполне ничего получилось. Во всяком случае, мое объяснение не вызывает никакого желания проверять, так ли это. Проще махнуть рукой и оставить все как есть.

— Это при условии, что тебе поверят.

— Ну, Джуффин-то, между прочим, поверил.

— Не обольщайся. Просто не захотел связываться в бессмысленный спор. Можно подумать, ты его первый день знаешь. Сэр Джуффин Халли достаточно мудрый человек, чтобы понять: уж если ты сочинишь столь немыслимую чушь, лишь бы не возвращаться в Ехо, лучше оставить тебя в покое до тех пор, пока не выдумаешь причину получше.

— Ну видишь! — радуется Макс. — Вот ты сам все и объяснил. Приятно иметь дело с мудрым собеседником.

— Э, нет. Это Джуффин мудрый. А я просто умный. Поэтому не делаю вид, будто я тебе поверил, а прошу объяснить все по-человечески. Силком я тебя домой не потащу, сам знаешь. Но мне нужно понимать.

— Легко сказать — «объясни по-человечески». По-человечески я и самому себе объяснить не могу.

— Себе можешь не объяснять. А мне — будь добр.

На этом месте оба начинают смеяться. Триша не понимает почему, но тут уж ничего не поделаешь, у старых друзей всегда полно общих историй, воспоминаний и шуток, понятных только им двоим, а высываться сейчас из окна и расспрашивать — значит испортить себе все удовольствие. Нет уж.

— Ладно, — наконец говорит Макс. — Тебе — это святое, действительно. Только учти, внятно все равно не получится. И слишком много придется принять на веру.

— Это условие как раз не представляется мне неприемлемым.

— Ладно, сейчас проверим. Если для начала я скажу, что всякая реальность — живое существо, совершенно не похожее на человека, конечно, но тоже обладающее индивидуальностью, а значит собственными желаниями, устремлениями, представлениями о возможном и невозможном... ну или ладно, может быть, не всякая реальность такова. Поскольку речь идет о нашем Мире, будем говорить только о нем. Ну что, такая дичь укладывается у тебя в голове, или?..

— А почему, собственно, «дичь»? Подобные гипотезы многократно формулировали выдающиеся мудрецы древности и их последователи. Считается, что наиболее убедительно идею разумного мироздания изложил бродячий принц Аллой, младший сын Халлы Махуна Мохнатого, в легендарной книге «Песнь обо всем». Рукопись ее, к сожалению, считается утраченной, поэтому современным ученым приходится довольствоваться фрагментами, которые обильно цитируют в своих сочинениях ученики Аллоя. Строго говоря, положение о разумности и индивидуальной воле мироздания лежит в фундаменте многих традиционных научных воззрений, и, насколько мне известно, до сих пор никому не удалось его более-менее убедительно опровергнуть. Ну что ты так на меня смотришь? Можно подумать, я говорю нечто из ряда вон выходящее.

— Именно это ты и делаешь. Несколько слов — и смутная, но мучительная тайна, которую я, чего уж там, считал одним из признаков прогрессирующего безумия, вдруг превращается в общеизвестную банальность, у студентов-первокурсников небось скулы от скуки сводит, когда им все это излагают. Уффф.

— Ну, положим, к изучению наследия Аллоя обычно приступают лишь на последних курсах — что в университете, что в Высокой Школе, без разницы. Все же древние тексты чрезвычайно сложны для восприятия. А в остальном — да, ты абсолютно прав. Такая постановка вопроса свидетельствует скорее о проницательности, чем о безумии. Ну или о начитанности, но это явно не твой случай.

— Ладно, уже легче. А если я скажу, что с точки зрения Мира меня больше нет, вернее, не может быть — как тебе такая идея?

— Я отвечу, что вряд ли могу с этим согласиться, хоть и странно это — не соглашаться с реальностью, частью которой являешься. С другой стороны, если Мир действительно обладает индивидуальностью, волей, желаниями и представлениями о возможном, ему должна быть присуща и способность ошибаться. Но это всего лишь теория. А для начала я спрошу: с чего, собственно, ты так решил?

— Ну как — с чего. Я же действительно туда возвращался — всего на несколько минут, в башню Мохнатого Дома, как уже рассказывал. Хотел убедиться, что действительно могу вернуться, если захочу; ты же знаешь, я с тех пор, как сбежал из Тихого Города, между Мирами не путешествовал, боялся. Думал почему-то, стоит только

сунуться в Хумгат, и — добро пожаловать домой, в смысле, в Тихий Город. Сам не знаю, с чего я это взял, но был совершенно уверен и три года сидел смирно. Очень длинных года, между прочим, не чета вашим, по триста шестьдесят пять дней в каждом, теперь не понимаю, как выдержал и, главное, зачем? Ну, сам дурак, да... И тут вдруг появляется Меламори, говорит, можно возвращаться в Ехо, если хочется — ничего себе новость! Я сказал, что подумаю, как-то набрался храбрости и наконец решил проверить, получится, или нет. Все получилось, Хумгат по-прежнему дом родной, никто там на меня не охотится, иди куда пожелаешь, да вот хотя бы и в Ехо. Я, понятно, ломанулся туда на радостях — а толку-то. Ничего там от моего взгляда, конечно, не растаяло, тут ты абсолютно прав. Просто я сразу почувствовал — как бы тебе объяснить? — мощное сопротивление среды. Я бы и сам рад думать, что это просто игра воображения, но ощущение было скорее физическое, а тело-то не обманешь... Ну вот смотри, если я сунусь в костер, мне станет очень жарко, потом появятся ожоги, потому что я не приспособлен для жизни в огне, и огонь об этом, скажем так, осведомлен. Можно заставить его изменить мнение — это, собственно, и есть магия, ну, то есть одно из ее проявлений. Я, конечно, не в огонь попал и ожогов не заработал, а все-таки сразу стало ясно, что я больше не приспособлен для жизни в Мифе, вернее, он больше не приспособлен к тому, чтобы я там находился, да как ни назови, один черт. И даже если существует магия, с помощью которой можно

уладить эту проблему, я о ней ничего не знаю. Ты хоть примерно понимаешь, о чем я?

— Примерно понимаю.

— И, знаешь, при этом у меня было совершенно четкое ощущение, что Мир в шоке от моего появления. Испуган и возмущен. Дескать, что такое? Этого не может быть! Уберите немедленно, или я за себя не отвечаю! Как-то так. Вот я и убрался, пока мы оба не сошли с ума окончательно — в смысле и я, и реальность. Я один — это еще куда ни шло.

— По правде сказать, мое желание понять пока превосходит способность это сделать. Но в любом случае ты правильно поступил, что сбежал. Даже если тебя просто подвело воображение. В таком деле лучше не рисковать.

— Рад, что ты так думаешь. Значит, не нужно будет с тобой спорить. Я это, сам знаешь, не люблю и не очень умею, а ведь пришлось бы.

— Ну я же с самого начала сказал, что силком тебя домой не потащу. Тем более, лично мне от этого никакой выгоды. Все равно в Тайном Сыске я больше не служу. И в своем бывшем доме в Новом Городе не живу. И в трактирах сидеть мне теперь по статусу не положено. И к тому же я целыми днями занят. Виделись бы раз в год, в лучшем случае. А сюда я, пожалуй, буду выбираться несколько чаще.

— Надо говорить: «гораздо чаще». И не только говорить.

— Просто я стараюсь казаться неназойливым гостем. Боюсь, когда дойдет до дела, заставит меня отсюда уйти будет гораздо трудней, чем уговорить вернуться.

— Не стану притворяться, будто твое признание стало для меня серьезным ударом.

— Вот и хорошо. Притворство — не самая сильная твоя сторона. Но погоди, я еще кое-чего не понимаю. В частности, что все-таки случилось с крышей Мохнатого Дома? Хочешь сказать, ты ее специально разрушил, чтобы потом было сподручнее врать?

— Да нет, конечно. Просто... ну, ты имей в виду, я тогда очень испугался. Нет, хуже, чем просто испугался, это был такой ужас, хоть замертво падай. Нервы у меня, ты знаешь, ни к черту, а в последние годы, я имею в виду, с тех пор, как выбрался из Тихого Города, совсем беда. Ну, я тебе рассказывал, какой ценой мне это далось, так что можешь представить... И тут я вспомнил, как наш с тобой общий приятель Лойсо Пондохва говорил, что гнев сильнее страха и лучшая защита от него, дескать, из перепуганных мальчиков выходят самые злые колдуны, да я и сам уже не раз в этом убеждался. Поэтому дал себе команду разозлиться, и все, конечно, у меня получилось. Дескать — ах так, не желаете меня тут видеть?! Ну, я вам сейчас устрою! Хороший был приступ ярости, качественный, вон даже потолок от моего взгляда рухнул, и счастье, скажу тебе, что я не в окно в тот момент смотрел. Зато когда полетела штукатурка, я вполне пришел в себя и смог убраться восвояси. В общем, можешь считать, что сперва мы с реальностью немного подрались, то есть я двинул ей в глаз и тут же сбежал. Нечего сказать, герой.

— Да уж. Зато такое объяснение вполне согласуется с моими представлениями о твоих возможностях.

В связи с этим последний вопрос, потом оставлю тебя в покое.

— Звучит как угроза.

— Расценивай просто как обещание сменить тему. Я, собственно, просто хочу понять, почему ты не рассказал правду Джуффину? И меня сперва зачем-то пытался обмануть. В то время как, на мой взгляд, в твоём рассказе нет ничего такого, что необходимо скрывать любой ценой.

— Ну сам подумай.

Макс умолкает; до Триши доносится тяжёлый вздох.

— Я же не знал, что у вас про мыслящую, одушевленную реальность даже в учебниках написано, — наконец говорит он. — Думал, все, приехали, мое безумие окончательно вышло из-под контроля, и дальше будет только хуже. Погоди, не перебивай, не такой уж я паникер. Это, к сожалению, был далеко не единственный признак. Скорее просто последняя капля. Я же почти каждый день просыпался, не понимая, кто я, где нахожусь, что было прежде, как тут все устроено и что в связи с этим следует делать. Вернее, еще хуже, у меня было слишком много противоречащих друг другу версий, одна другой достовернее. Как будто я живу не одну, пусть даже очень запутанную и непостоянную жизнь, а несколько дюжин одновременно. К счастью, к тому времени, как это началось, я успел кое-что записать. Поэтому можно было понять, на какие воспоминания стоит опираться, а от каких следует поскорее избавиться, если выйдет. Вышло, к слову сказать, не очень, но, по крайней мере, я мог делать вид, будто со мной все в порядке.